

Кадырбаев Александр Шайдатович
Alexander Sh. Kadyrbayev

Проект «Российское китаеведение – устная история»
Проект «Российское востоковедение – устная история»

Кадырбаев Александр Шайдатович, Китаевед, д.и.н., профессор, в.н.с. ИВ РАН	Alexander S. Kadyrbayev Sinologist, Full Doctor (History), professor, Leading Research Fellow (Institute of Oriental Studies, RAS)
Дата записи: 22 февраля 2021	Date: February 22, 2021
Место: Москва, ИВ РАН	Place: Moscow, IOS RAS
Вёл интервью: Головачёв В.Ц.	Hosted by: Valentin Ts. Golovachev
Техническая запись: Моева Д.	Recording: Darya Moeva
Расшифровка: Моргунова П.В., Осмоловская А.А.	Script (Tape to text): Polina V. Morgunova, Anna A. Osmolovskaya
Редактирование и примечания: Головачёв В.Ц., Русанова М.А.	Editing: Valentin Ts. Golovachev, Marina A. Rusanova
Продолжительность: 3 часа	Duration: 3 hours

Кадырбаев Александр Шайдатович (1950 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1994), профессор. Родился в г. Севастополе, в семье офицера ВМФ СССР. В связи со службой отца в 1957–1967 гг. жил на о. Сахалин (Корсаков), в Петропавловске-Камчатском, Гудермесе (Чечено-Ингушетия), Владивостоке, Хабаровске. В 1967 г. поступил на восточный факультет ДВГУ (Владивосток), отделение истории Китая и китайского языка. Окончил Дальневосточный государственный университет (1972). Специальность: востоковед-историк, референт-переводчик китайского языка. Сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР в г. Алматы (1972–1976). Прошёл научную стажировку (1976, 1978) и аспирантуру (1981–1983) Ленинградского Отделения Института востоковедения АН СССР, где 27.04.1984 защитил диссертацию на соискание учёной степени к.и.н. по теме «Тюрки в Китае при монгольской династии Юань. 13–14 века». Там же 29.10.1993 защитил докторскую диссертацию по теме «Сэму (иностранцы) в Юаньской империи (монгольском государстве в Китае)». Преподавал на историческом факультете Казахского национального государственного университета (1996–1999, Алматы). Профессор этого университета. Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (с 1999). Профессор НИУ ВШЭ, Института стран Азии и Африки МГУ, Института стран Востока. Автор 20 монографий, брошюр, учебников и учебных пособий, более 200 научных и научно-популярных статей. Имеет сына Искандера. Область исследований: российско-китайские отношения, Китай и страны Центральной Азии, Китай и мусульманский мир.

ВГ: Добрый день, Александр Шайдатович!
АК: Здравствуйте!

ВГ: Мы давно надеялись записать с вами интервью для проекта «Российское китаеведение – устная история». Рады, что этот момент, наконец, наступил!

АК: Взаимно!

ВГ: Вы – известный китаевед и востоковед. У вас много профессиональных «ипостасей» и научных работ по самым разным темам. Просим вас представить себя лично, в профессиональном плане, для всех тех, кто интересуется историей востоковедения и китаеведения!

АК: Кадырбаев Александр Шайдатович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук.

ВГ: Кто вы по специальности, в первую очередь: востоковед, китаевед, историк?

АК: Я вообще-то востоковед-историк, окончил Дальневосточный государственный университет. Моё базовое образование – китаеведческое, но в ходе всей научной деятельности мне приходилось заниматься вещами, связанными не только с Китаем. Первоначально, конечно, это была история Китая. И кандидатская, и докторская диссертации у меня связаны именно с историей Китая, точнее, с эпохой монгольского владычества в XIII–XIV веках. Поскольку сейчас я работаю в секторе архивных публикаций при Отделе истории Востока *Института востоковедения РАН*¹, начиная примерно с конца 1990-х годов и поныне я нашёл для себя новую, как вы сказали, «ипостась» – это работа в архивах. Работаю в российских государственных архивах (это настоящий Клондайк, Эльдorado!), где собрано очень много сведений по истории Китая. История российско-китайских отношений – ещё одна сфера, которой я занимаюсь. Я также изучаю историю стран и народов Центральной Азии, которые первоначально изучал по китайским источникам, то есть без Китая здесь тоже не обошлось. Мне трудно назвать это работой только китаеведа. Честно говоря, я больше занимаюсь не историей собственно Китая, а историей народов Китая, в основном не «государствообразующего» народа, а национальных меньшинств. Но, всё равно, их история тесно связана с историей Китая. Поэтому мой исследовательский кругозор выходит за рамки собственно Китая и включает также историю мусульманских и прочих народов, как внутри, так и вне пределов Китая.

ВГ: Хочется поговорить о вашей профессиональной карьере: как вы стали китаеведом, где и как работали. Давайте обсудим все эти вопросы с самого начала! Я знаю, что вы родились в городе-герое Севастополе. Как и когда вы оказались на Дальнем Востоке?

АК: До определённого возраста все мы находимся в родительской семье, и нашу судьбу определяют наши родители. Мой отец – кадровый офицер военно-морского флота СССР – во время Великой Отечественной войны был призван на фронт, участвовал в обороне Кавказа. Потом он окончил Бакинское высшее

¹ *Институт Востоковедения РАН* – один из старейших научных институтов в России. Переведен в Москву в 1950 г. В Ленинграде осталось Ленинградское отделение (ЛО ИВ АН СССР, ныне Институт восточных рукописей РАН). В 1960–1970 назывался Институт народов Азии АН СССР. Официальный сайт: <http://www.ivran.ru>

военно-морское училище имени Сергея Мироновича Кирова (в городе Баку), после чего служил на разных флотах Советского Союза. Так он и оказался в Севастополе, где я родился в 1950 году. Мой отец – уроженец Казахстана, этнический казах, а мама – русская из Поволжья.

ВГ: Как звали ваших родителей?

АК: Моего папу звали Шайдат Дуйсекеевич Кадырбаев. К сожалению, он ушёл из нашего мира в 1993 году. Был с 1982 года пенсионером, капитаном первого ранга в запасе. В связи со службой отца я прожил в Севастополе, где-то до семи лет и хорошо помню этот город, который почему-то казался мне белым и светлым городом. Когда в 1957 году отца внезапно перевели в город Корсаков на Южном Сахалине, мы ехали туда через всю страну. 1957 год – тогда ещё самолёты туда не летали, все переезды на поезде были. А затем из Владивостока по морю. Мы ехали через Москву.

ВГ: Я тоже проезжал в детстве на поезде через Москву на Дальний Восток и обратно. Это был долгий путь! Что вам запомнилось в том путешествии?

АК: Там много интересных моментов было. Помню даже как мы ехали в такси в Москве (детская память такая выборочная), как проезжали мимо площади Маяковского, где стояли какие-то группы пёстро одетой молодёжи. Отец спрашивает у таксиста: «А кто это?», а таксист говорит: «Стиляги». И это слово «стиляги» почему-то врезалось мне в память... Я даже ещё успел увидеть Сталина – оказывается, это было всего за несколько недель до того, как после XX съезда КПСС его вынесли из Мавзолея на Красной площади². И это тоже врезалось в мою память, как мы проходили туда. Там же много людей стояло в очереди к Мавзолею Ленина и Сталина.

ВГ: Сколько лет вы жили на Сахалине?

АК: Отец был связан с Тихоокеанским флотом более десяти лет. Сначала служил в бригаде торпедных катеров на Южном Сахалине, потом его перевели на Камчатку, в Петропавловск-Камчатский. На Сахалине мы были примерно год, а на Камчатке уже года три. Там я учился до пятого класса, а потом отца в связи со службой перевели на Курилы. Но на Курилах офицерам жильё не давали, поэтому мы с матушкой поехали к её родителям в Чечено-Ингушетию. Я жил тогда в Гудермесе, окончил там пятый класс, бегал с чеченскими пацанами. Они как раз тогда тоже вернулись на родину после депортации. Потом отца перевели служить во Владивосток, а мы как раз в это время жили полгода в Севастополе. Отец должен был приехать, но случился Карибский кризис³, поэтому он так и не приехал, а мы потом поехали во Владивосток...

² Тело И.В. Сталина было вынесено из Мавзолея и погребено у Кремлёвской стены в ночь с 31.10 на 01.11.1961, на основании единогласного решения делегатов XXII съезда КПСС.

³ *Карибский кризис* – период резкого обострения поли., дипломат. и воен. противостояния между СССР и США в октябре 1962 г., вызванный тайной переброской и размещением на Кубе подразделений ВС СССР, техники и вооружения, включая ракеты, способные нести ядерные боеголовки. Кризис мог привести к глобальной ядерной войне, но в итоге был урегулирован мирно, путём «джентльменского соглашения» между Дж. Кеннеди и Н.С. Хрущёвым. Кубинцы называют его «Октябрьским кризисом». В США распространено название «Кубинский ракетный кризис» (Cuban missile crisis).

ВГ: Это был 1962 год?

АК: Да, 1962 год. Я помню, что Севастополь снова казался мне таким белым солнечным городом! Когда мы приехали во Владивосток, да ещё в дождь попали, я там чуть не заплакал: «Папа, поехали назад!» Мой отец служил на Русском острове, но там он уже был военным инструктором, занимался радиолокацией, в свое время в начале 1950-х годов он закончил СКОС – специальные курсы офицеров связи при Ленинградской военно-морской академии, готовил офицеров индонезийского военно-морского флота. У нас до переворота 1965 года были хорошие отношения с Индонезией, потому что там были сильны местные коммунисты. Много индонезийских моряков, военно-морских офицеров, училось и служило в СССР. Отец ездил из города на Русский остров.... Так мы и жили во Владивостоке, где я проучился с шестого по восьмой класс. Потом отца перевели в Хабаровск, где предложили быть главным военным представителем на судостроительном заводе, производившем военно-морскую продукцию. Поэтому школу, девятый и десятый класс, я окончил уже там.

ВГ: Как звали вашу маму?

АК: Маму звали Мария Карповна, в девичестве – Семёнова. Потом она взяла фамилию отца, была тоже Кадырбаева.

ВГ: И всю жизнь сопровождала его повсюду как офицерская жена?

АК: Да. Моя мама считала, что самые счастливые люди – это те, кто живут всю жизнь на одном месте [смеётся]. А отец говорил: «Столько «подъёмных», наверное, ни один человек не получал!» В то время, когда военный переезжал на новое место службы, ему давали «подъёмные» деньги. Я помню, что каждые 3-4 года нам приходилось собирать багаж, и был переезд. В итоге я оказался ближе к Владивостоку. В Москву ехать не рискнул. Мне казалось, что там все – очень умные люди. Тем более, у меня в аттестате «трояков» было достаточно. А Владивосток был рядом, ну и там был Дальневосточный университет.

ВГ: Как вы сделали свой выбор после окончания школы?

АК: Сначала я думал поступать на исторический факультет. Но когда приехал, мне подсказали, что лучше поступать на восточный. Это вполне отвечало моим каким-то «тайным моментам», поэтому я сразу и без колебаний пошёл на восточный факультет, где как раз открыли такую новую специальность как «страноведение по странам зарубежного Востока» или «история Китая».

ВГ: Но ведь, кроме истории Китая, там были и Япония, и Корея?

АК: Нет, Кореи еще не было. А японисты были только филологи.

ВГ: Почему вы сразу решили изучать Китай?

АК: Мне как-то больше нравился Китай. Уже в детские годы у меня было некое ощущение – я понял, что хочу заниматься центральноазиатской историей. Знаний ещё не было, но ощущение уже было... Все тогда на японское отделение шли, потому что Япония популярна была, а на китайское и конкурса тогда не было! Тогда Китай был для нас – «культурная революция», ватники, единообразие. Был разительный контраст с тем, что происходит сейчас, как вы знаете. Эпоха меняется! Сейчас в ИСАА МГУ абитуриенты плачут, когда их на

японское зачисляют, а они хотят на китайское. Ну, а мне уже, тогда как-то больше Китай нравился...

ВГ: В 1967 году, когда вы поступали в ДВГУ, уже возник глубокий кризис советско-китайских отношений, был сплошной негатив...

АК: Да, там как раз были столкновения и негатив. Обычно, когда молодые люди изучают страну, они хотят съездить туда. А тут даже не просматривались такие возможности. Но мне всё же как-то больше нравился Китай. Казалось, что он имеет большее отношение и к другому, к мусульманскому Востоку. Может быть, это обстоятельство тоже повлияло на мой выбор.

ВГ: Ваши самые первые представления о Китае, когда они возникли?

АК: Это очень сложно сказать. Я ещё с раннего возраста зачитывался исторической литературой. Сначала это была история России, потом история стран Востока. И я как-то даже немного идеализировал его. Может, в силу своего происхождения. Может, генетика сказала. В общем, я начал читать книги о Китае и Востоке. Думаю, любому человеку нужно в определённом возрасте читать определённую литературу. И я читал тогда, будете смеяться, Яна...

ВГ: *Василия Янчевецкого*⁴?

АК: Да, он сокращённый псевдоним взял себе. И на его книгах зародилось всё это моё увлечение. Я не думал, что это станет, как говорится, моей путеводной звездой: центральноазиатские исследования, монгольская эпоха и прочее.

ВГ: То есть, вас привлекала история Китая?

АК: Да, древняя история и средневековье. История Китая и окружающие его народы. Окружающие народы, может быть, даже больше. Конечно, это был ещё незрелый интерес. Трудно было представить, что это станет в каком-то плане моим жизненным «кредо», что я напишу кандидатскую и докторскую диссертации по истории Китая в монгольскую эпоху, то есть про монголов в Китае.

ВГ: Мы к этому вернемся ещё. В каком году вы поступили в университет?

АК: Я поступил после школы-десятилетки в 1967 году, а в 1972 году окончил университет во Владивостоке.

ВГ: В то время, в момент поступления уже было разделение на историков и филологов, или это была единая группа?

АК: У нас как раз был первый год, когда появилось такое разделение. До этого было просто Восточное отделение филологического факультета, которое включало японское и китайское отделения, это было филологическое всё. Помню, что когда я учился на первом курсе, у нас ещё был шестой курс (тогда 6 лет учились). То были первые восточники, которые сразу после окончания стали в основном преподавателями. Ещё очень молодым был наш факультет. Но имелась и традиция Восточного института, основанного во Владивостоке в

⁴ *Ян Василий Григорьевич* (настоящая фамилия – Янчевецкий, 1874–1954). Русский и советский писатель, публицист, поэт и драматург, сценарист, педагог. Автор ряда популярных исторических романов. Сын антиковеда Григория Янчевецкого, брат журналиста и востоковеда Дмитрия Янчевецкого.

1899 году. В советское довоенное время, где-то в 1939 году, Дальневосточный университет и Восточный факультет распустили, а потом возродили его как раз в 1967 году.

ВГ: Сколько человек было набрано? С кем вы учились?

АК: В нашей группе было пять студентов и пять «кандидатов». «Кандидаты» – это те, кто занимал место студентов, если кто-то из студентов не успевает и будет отчислен. Например, мой товарищ *Валерий Николаевич Вартанов*⁵ – впоследствии доктор исторических наук и замдиректора Института военной истории Министерства обороны РФ в звании капитана 1-го ранга (он по этой стезе пошёл), был как раз таким «кандидатом». Через много лет он говорил мне: «Я помню, как вы на меня там смотрели – о, кандидат!» Десять человек было в нашей группе. Имена всех я сразу не припомню...

ВГ: Наверное, есть какие-то более близкие одногруппники? Те, кто окончил востфак?

АК: Окончило нас три человека. Но там не всех отчислили. Юра Большаков взял академический отпуск, Гена Хальченко перешёл на заочное отделение исторического факультета...

ВГ: Кроме вас, кто ещё окончил?

АК: Кроме меня – Валерий Николаевич Вартанов, о котором я сказал сейчас, и *Николай Вячеславович Абаев*⁶ – известный учёный. Он старше меня на год был.

ВГ: Но учились вы в одной группе?

*Студенты востфака ДВГУ в археологической экспедиции после 2-го курса.
Слева направо: Виктор Коновальцев, Валерий Вартанов, Анатолий (истфак), Николай Абаев,
Владимир (истфак), Александр Кадырбаев*

⁵ *Вартанов Валерий Николаевич* (1949 г.р.). Востоковед, д.и.н. Зам. начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, зам. председателя Комиссии по военной истории народов Востока при Ассоциации востоковедов РАН.

⁶ *Абаев Николай Вячеславович* (1949–2020). Китаевед, востоковед, буддолог, исследователь чань-буддизма и тенгрианства. Д.и.н., профессор кафедры философии ТывГУ, зав. лаб. кочевых цивилизаций ТывГУ. Засл. деятель науки Респ. Тыва. Почётный доктор буддийской философии Института буддизма Буддийской традиционной сангхи России. Бывший депутат Великого Хурала (парламента) Республики Тыва.

АК: Да, учились мы в одной группе. Коля ещё до нас поступил. Но он учил в школе немецкий язык, поэтому не смог поступить туда, куда хотел. Тогда, чтобы не ехать домой, он поступил на отделение русского языка и литературы, где за год выучил английский. Потом сдал английский язык, но его взяли уже «кандидатом». Он занимался чань-буддизмом (у него есть очень известные работы по чань-буддизму), немножко ударился в мистику. Крупный учёный, тоже стал доктором наук. К сожалению, в 2020 году Николай трагически ушёл из жизни в Улан-Удэ. Китаистов было немного, и мы часто были на общих лекциях с китаистами-филологами, да и китайский нам преподавали одни преподаватели. Я и поныне храню о них тёплые воспоминания – Володе Реброве, Алексее Чумичеве, Паше Неводнике, *Саше Соколовском*⁷, *Валере Молодых*⁸, *Гене Белоглазове*⁹, Сергее Демуре, Анатолии Полищуке, *Саше Ивлиеве*¹⁰ – ныне известном учёном-китаеведе, а также о японистах – *Викторе Незамутдинове*¹¹, *Виталии Совастееве*¹², Валере Бабакове, *Володе Кучуке*¹³, Викторе Горшкове, Саше Гаретове, Паше Дронове. Дружил я с ребятами с других факультетов ДВГУ, с которыми жил в общежитии, с юристами – *Володей Куриловым*¹⁴, ставшим потом ректором ДВГУ, Константином Циписом, Александром Ставповым, Женей Нестеровым, физиками Женей Ямполом, Володей Никитиным и Мишей Митянским.

⁷ *Соколовский Александр Якубович* (1948 г.р.). Востоковед, к.ф.н. (1989), профессор (2000). Зав. кафедры Тихоокеанской Азии ВИ–ШРМИ ДВФУ. Окончил отд. кит. филологии востфака ДВГУ (1972) и аспирантуру ИВ АН СССР (1976).

⁸ *Молодых Валерий Иосифович* (1947 г.р.). Китаевед, к.ф.н. (1987, рук-ль Н.Н. Коротков), доцент. Окончил ДВГУ (1972), Преподаватель восточного факультета ДВГУ/ДВФУ (1972–2014), Владивост. гос. ун-та экон. и сервиса (ВГУЭС) «Дальневосточный государственный университет».

⁹ *Белоглазов Геннадий Петрович* (1949 г.р.). Китаевед, к.и.н. Сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Окончил востфак ДВГУ (1972). Область исследований: история Северо-восточного Китая (Маньчжурии).

¹⁰ *Ивлиев Александр Львович* (1952 г.р.). Китаевед, К.и.н. (1988). Преподаватель ДВФУ. Окончил востфак ДВГУ (1974, кит. отделение) Сотрудник (с 1974), зам. директора по научной работе в ИИАЭ ДВО РАН.

¹¹ *Незамутдинов Виктор Нуриевич* (1943 г.р.). Японист, преподаватель, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ.

¹² *Совастеев Виталий Владимирович* (1947–2016). Японист, д.и.н. (1995), профессор (1997). Преподаватель (с 1974), завкафедрой Всеобщей истории истфака ДВГУ. Профессор Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ. Область исследований: историография (общ.-полит. мысль Японии в 40–60-х гг. XIX в.), история стран Азии и Африки.

¹³ *Кучук Владимир Валерьевич* (1948 г.р.). Японист, к.э.н., советник губернатора по международным связям в правительстве Хабаровского края.

¹⁴ *Курилов Владимир Иванович* (1948 г.р.). Юрист, д.ю.н., профессор. Засл. работник высшей школы РФ. Ректор ДВГУ (1990–2010).

Справа налево: В.Н. Вартанов, А.Л. Ивлиев и А.Ш. Кадырбаев на праздничной демонстрации

ВГ: Пора задать вопрос о ваших преподавателях. Кто преподавал вам основные дисциплины?

АК: Больше всего я запомнил *Тамару Хинчевну Томихай*¹⁵. Она преподавала у нас три года, и даже как-то так получилось, что она была чуть ли не единственным преподавателем.

ВГ: То есть вела все дисциплины, не только китайский язык?

АК: Она вела китайский язык. Вэньянь нам преподавал *Вячеслав Семенович Кузнецов*¹⁶, кандидат исторических наук тогда, однокашник и друг *Е.И. Кычанова*¹⁷ и *Ю.А. Зуева*¹⁸, о которых я ещё скажу ниже. Позже он переехал в Москву и работал в *Институте Дальнего Востока*¹⁹ АН СССР, известен своими трудами по новой истории Синьцзяна. Был ещё *Давид Лазаревич*

¹⁵ *Томихай Тамара Хинчевна* (1939 г.р.). Китаевед, литературовед, переводчик, к.ф.н. (1981). Окончила востфак ЛГУ (1964) и аспирантуру при ЛО ИВ АН СССР. Преподаватель востфака ДВГУ (1964–1986).

¹⁶ *Кузнецов Вячеслав Семёнович* (1932 г.р.). Востоковед, д.и.н. (1985), доцент (1971). Окончил востфак ЛГУ (1955). Сотрудник ИИАЭ КазССР (1961–1965), ИИАЭ народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР (1965–1969). Преподавал в ДВГУ. Сотрудник ИДВ РАН (с 1969).

¹⁷ *Кычанов Евгений Иванович* (1932–2013). Китаевед, тангутовед. Д.и.н. (1970), профессор (1986), специалист в обл. средневековой истории Китая и Центральной Азии, кочевым цивилизациям и нац. меньшинствам КНР. Сотрудник ИВР РАН в СПб (с 1965). Замдиректора СПбФ ИВ РАН (1991), директор филиала (1997–2003).

¹⁸ *Зуев Юрий Алексеевич* (1932–2006). Советский и казахстанский китаевед и тюрколог, к.и.н. (1967).

¹⁹ *Институт Дальнего Востока* (ИДВ РАН). Создан на основании постановления Президиума АН СССР в сентябре 1966. Главной задачей было комплексное изучение проблем Китая, Японии, КНДР, Республики Корея, отношений СССР с этими государствами.

*Бродянский*²⁰, супруг Тамары Хинчевны. Он преподавал на историческом факультете, но тоже был китаеведом, занимался археологией и вёл у нас историю Китая. Очень был строгий преподаватель! Но с течением лет я понимаю, что «тройка», которая у меня была по древней и средневековой истории Китая, стоит для меня «пятёрки». Потому что, он как преподавал? Он говорил: «Вы учебник не читайте, если будете читать только учебник, я вам сразу «двойку» ставлю!» Он давал список литературы, монографии, штук 16, и гонял по ним. Естественно, мы серьёзно готовились, потому что все понимали, что человек не шутит. Он сразу по монографиям спрашивал. Ну, память у меня хорошая была – если я что прочитал, то мог рассказать. Даже до сих пор вопросы эти помню! Но почему я тогда «тройку» получил, на чём «погорел»? Первый вопрос о тайпинах на «пять» ответил. Второй вопрос – Александров, «Россия на дальневосточных рубежах»²¹ 1969 года выпуска. Но я эту книгу, честно говоря, не читал, поэтому схитрил. У меня однокурсник был – Витя Коновальцев, очень хороший парень из Хабаровска, из простой рабочей семьи, очень тянулся к образованию. К сожалению, он умер от рака на четвёртом курсе. Он сделал реферат, куда вошла и эта книга. А реферат – это же так, «выжимка». Я только его реферат прочёл, но рассказал и у Давида Лазаревича даже сомнений не было, что я эту книгу прочёл. Тоже пятёрка была. А с третьим вопросом мне не повезло, потому что это была работа *С.Л. Тихвинского*²² про «сто дней реформ» *Кан Ю-взя*. Я её не нашёл, не было этой книги в библиотеке Дальневосточного научного центра, о чём я так и сказал Бродянскому. А он говорит: «Ну вот, видите, пять–пять–два». Я говорю: «Общая – четыре?», а он: «Нет, три!» Ну ладно, я как-то к этому спокойнее относился, а некоторые наши ребята тяжелее переживали. Ну, конечно, досадно было. Тем не менее со временем я понял, что знания мои никто не отнимет, это мне дорого всё!

ВГ: Встречи с Давидом Лазаревичем помнят все его студенты, и я в том числе. Это грозная «легенда» востфака! Я сдал ему археологию лишь со второго раза. Правда, на «пять». Как складывались ваши отношения с китайским языком?

АК: Врать не буду, вначале я был кандидатом на отчисление, потому что, видимо, не мог перестроиться. Там же систематически нужно было заниматься, а у меня был ещё «школьный» подход. К тому же я уже от родителей съехал, жил в общежитии. И тут – свобода! Понимаете? В итоге Тамара Хинчевна однажды сказала: «Может, вам как-то лучше на истфак?» Был такой момент!

²⁰ *Бродянский Давид Лазаревич* (1936–2017). Китаевед, востоковед, археолог, специалист по первобытной археологии юга Дальнего Востока. Д.и.н. (1995). Окончил востфак ЛГУ (1962). Преподаватель, профессор ДВГУ (1962–2015).

²¹ *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М.: ГРВЛ–Наука, 1969. 240 с.

²² *Тихвинский Сергей Леонидович* (1918–2018). Китаевед, историк, д.и.н. (1953), профессор, академик АН СССР/РАН (с 1981). Дипломат, Чрезв. и Полн. посол СССР. Служил на дипломатической работе в Китае, Англии, Японии (1939–1957). Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР (с 1966). Директор Института китаеведения (1960), замдиректора Института народов Азии (1961–1963). Лауреат Государственных премий СССР (1982) и РФ (1999).

Под конец мне даже показалось, что она «поставила крест» на мне... Хотя недавно мы встречались, и она сказала: «Саша, я этого не помню!» Всё равно, конечно, она была права! Потом, уже весной, я как-то впервые в жизни осознал (мне уже под 18 лет было), что учёба – это ответственность. И потом, что я родителям скажу, отцу? Тогда, уже как у края пропасти, я в один момент принял решение, бросил всё постороннее и начал заниматься. У меня хорошая память была. Например, иногда я такие вещи делал – учил текст наизусть, а потом, когда Томихай приходила и просила сделать перевод текста, я нарочно закрывал книгу. Тамара Хинчевна мне говорит: «Книгу откройте! Вы что, не на занятиях?» А я отвечаю: «Я всё помню и так!» Тут она меня спрашивает, а у меня уже урок выучен, и я отвечаю с закрытым учебником. Томихай сначала спокойно смотрела на всё это, а потом говорит: «Ну, вы же можете заниматься, оказывается! Я изменила мнение о вас!» Экзамены за первый курс мы сдавали раньше срока, в мае. На экзамене Тамара Хинчевна говорит мне: «В принципе, вы всё это отлично можете. Но за то, что вы делали в первом семестре, я ставлю вам четвёрку». Я отвечаю на это: «Хорошо, это тоже хорошая оценка!» Вот такой был момент.

ВГ: Выходит, вы преодолели этот психологический барьер?

АК: Да, я преодолел барьер, в появлении которого сам был виноват. Видимо, был несколько ленив в тот момент. Но потом я как-то сумел осознать это.

ВГ: Как начиналась ваша личная исследовательская работа – курсовые, дипломные работы? Кто был руководителем? Как выбрали темы?

АК: Вначале мы не выбирали, конечно. Но мне повезло, хотя в тот момент я так не считал. Давид Лазаревич Бродянский сразу сказал нам: «Короче, тема у вас такая!» Моей первой темой, как я помню, была тема «Сунь Ят-сен и его борьба с милитаристами». Бродянский мне тогда говорит: «Имейте ввиду, раз вы китаист, то при написании курсовой должны использовать статьи на китайском языке! Вот по этой теме есть статья, нужно перевести и использовать её!» Ну, пришлось переводить – у него там иначе не проскочишь. И я мучительно всё переводил. Бродянский же, в первую очередь, смотрел, перевёл человек эту свою статью или не перевёл. Конечно, на первом курсе уровень работы был не очень. Но Давид Лазаревич так вот и заставлял работать, такой был человек. Потом я понял, что, чем больше у студентов таких преподавателей, тем лучше. К сожалению, Бродянский уже ушёл из жизни, ему уже за 80 было. В 1972 году, когда я стоял в ректорате и получал документы об окончании ДВГУ, он вошёл по каким-то делам: «Ну, я вас поздравляю!» – сказал. А потом я встретился с Бродянским уже где-то более чем через 20 лет. Это был 1993 год. Я как раз докторскую защищал в Ленинградском отделении Института востоковедения и встретил в коридоре Давида Лазаревича, где висело объявление о моей защите. Он очень тепло меня поприветствовал, я его тоже поблагодарил, он засмеялся. Вот такой был очень тёплый человек.

ВГ: Это была ваша последняя встреча?

АК: Да, последняя, к сожалению.

ВГ: Какой была тема вашей дипломной работы? Её тоже Бродянский выбирал?

АК: Да, Бродянский. Я писал диплом о *Сунь Ят-сене*²³, про советско-китайское сотрудничество, деятельность Гоминьдана, Коминтерна, Единый фронт и всё прочее. А потом я попал по распределению в Казахстан.

ВГ: Давайте поговорим про распределение! Ведь 1972 год – время почти полного разрыва связей СССР и Китая, когда почти никакой работы по специальности у китаистов не было. Не было и возможности ездить в Китай. Вы жили во Владивостоке, а потом оказались в Казахстане, где провели больше четверти века. Как произошёл тот переезд, почему?

АК: Моего отца в ту пору перевели из Хабаровска в Татарстан. В Татарстане есть город Зеленодольск, в 70 километрах от Казани. И там, как сейчас выясняется, при судостроительном заводе был ЦКБ – Центральное конструкторское бюро по строительству противолодочных кораблей. Мой отец занимался такими судами и служил в этом центре военным представителем. Поэтому последние два курса я ездил из Владивостока туда, в Казань. Накануне выпуска отец сказал: «Надо возвращаться на историческую родину!» Он сам из Казахстана, поэтому поехал в Алма-Ату, где был Институт истории, археологии и этнографии имени Чокана Валиханова Академии наук Казахской ССР. Там отец зашёл к вице-президенту АН КазССР Акаю Нусупбековичу Нусупбекову, бывшему фронтовику, панфиловцу. Отец в военно-морской форме зашёл, они поговорили, и вице-президент говорит: «Нам китаисты нужны. Мы тоже хотим открыть востоковедение, уже есть востоковеды у нас!» В итоге я приехал туда, был зачислен на должность старшего лаборанта.

ВГ: В то время вы были единственным китаистом в Алма-Ате?

АК: Не могу так сказать. Была ещё *Клара Хафизова*²⁴, она старше меня лет на 11. Она тогда училась в аспирантуре нашего Института востоковедения. Её научным руководителем был *Б.П. Гуревич*²⁵, там она и защитила кандидатскую диссертацию про эпоху маньчжурского владычества в Китае. В Алма-Ате был ещё один крупный учёный – Юрий Алексеевич Зуев, однокашник и друг Евгения Ивановича Кычанова, нашего великого ленинградского учёного, моего учителя. Зуев попал в Казахстан по распределению после окончания востфака Ленинградского университета, где-то в 1955 году. Его жена, русистка, окончила филфак ЛГУ и тоже туда поехала. Зуев занимался древнетюркскими и китайскими источниками, был очень эрудированным, сам эти рукописи читал. Это был учёный «от бога», свой след в науке оставил. Он и *Турсун Икрамович*

²³ *Сунь Ят-сен* 孫逸仙 (1866–1925), Сунь Вэнь 孫文 (лит. псевдоним), Сунь Чжун-шань (孫中山, имя в эмиграции). Революционер-демократ, один из великих лидеров Китая в XX в. Основатель партии Гоминьдан (1912), вождь республиканской Синьхайской революции 1911 г., 1-й президент Китайской Республики (с 1 января по 1 апреля 1912). Автор учения о «трёх народных принципах» (национализм, народовластие, народное благоденствие). Выступал за союз Гоминьдана с КПК и СССР. В 1940 г. удостоен титула «отца нации».

²⁴ *Хафизова Клара Шайсултановна* (1939 г.р.). Китаевед, д.и.н., профессор, директор Института казахской цивилизации и истории университета «Кайнар» (Казахстан).

²⁵ *Гуревич Борис Павлович* (1919–2004). Историк, д.и.н. (1971), профессор, сотрудник Ин-та востоковедения АН СССР. Труды по истории межд. отн. в Центральной Азии XVIII–XIX веков, истории востоковедения, истории России, Казахстана и Джунгарского ханства.

*Султанов*²⁶ – тюрколог, ныне выдающийся учёный, который окончил востфак Ленинградского университета, сразу взяли меня под своё покровительство. Мне всегда везло на старших товарищей! Я всегда приходил куда-то, и там были люди, которым хотелось подражать. И Турсун таким был, и Юрий Алексеевич Зуев. Такой тёплый человек был, родом из Тюмени... Коллега *Володя Тишин*²⁷, который работает ныне в Улан-Удэ в институте монголоведения, тибетологии и буддологии Сибирского отделения РАН, а также числится и у нас в отделе истории Востока, написал великолепную вещь о Тюркском каганате. Дим Димыч (*Д.Д. Васильев*²⁸) у него руководителем был, а он продолжает его дело и исследования Ю.А. Зуева. В общем, Зуев крупнейшим китаистом был. Он читал средневековые китайские и древнетюркские тексты на руническом письме. Он даже, если был русский перевод, всё равно, читал и персидские тексты в оригинале. Зуев был исследователем «до мозга костей», настоящий учёный! Ну и человеком был таким, что, мне кажется, даже его недостатки перерастали в достоинства. Мне в этом плане повезло. И когда я поехал на стажировку.

2-й ряд слева направо: Юрий Алексеевич Зуев, Александр Кадырбаев, Болат Ешимхамбетович Кумекоев, Самат Утениязов. 1-й ряд слева направо: Гайни Шаймерденова, Клавдия Антоновна Пищулина.

²⁶ *Султанов Турсун Икрамович* (1940 г.р.). Востоковед, д.и.н. (1988), профессор. Окончил каф. истории стран Ближнего и Среднего Востока при востфаке ЛГУ (1967). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1974–1997). Преподаватель востфака СПбГУ (с 1996). Изучал турецкий, персидский, чагатайский, английский языки.

²⁷ *Тишин Владимир Владимирович* (1987 г.р.). Китаевед, к.и.н. (2015). Сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

²⁸ *Васильев Дмитрий Дмитриевич* (1946–2021). Востоковед, тюрколог, к.и.н. (1979). Окончил ИВЯ при МГУ (1971). Зав. отд. истории Востока ИВ РАН (с 1996), профессор РГГУ, вице-президент Об-ва востоковедов РАН. Засл. деятель науки Республики Тыва, почётный действ. член Турецкого научного общества имени Ататюрка (с 2000).

ВГ: Простите, давайте о стажировке чуть позже! Сначала вы приехали в Алматы, стали работать в Институте археологии и этнографии, и там перед вами снова встала проблема выбора новой темы и шествия по избранному научному пути. Как вы произвели этот выбор?

АК: Я приехал в Казахстан, где все ко мне хорошо относились. Но помочь с выбором темы там никто не мог, потому что львиная доля историков занималась советским периодом, почти все занимались идеологией. Вначале я работал в отделе истории дореволюционного Казахстана. Но в этом отделе я работал всего один год. Потом создали отдел истории древнего и средневекового Казахстана, где уже была востоковедческая основа. Все сотрудники отдела были востоковедами – Ю.А. Зуев, Т.И. Султанов, арабист Б.Е. Кумек, иранист Слава Шуховцов, *Володя Настич*²⁹ – ныне один из ведущих учёных ИВ РАН, К.Ш. Хафизова, *К.А. Пищулина*³⁰. Все они выпускники востфака Ленинградского университета, кроме Клавдии Антоновны Пищулиной, окончившей МГУ, и Б.Е. Кумекова, окончившего Ташкентский университет. Как раз в то время там находился Турсун. Я работал с ним где-то год или полтора, потом он всё-таки уехал в Ленинград и там остался, по семейным обстоятельствам, у него сын там был... В общем, служил я лаборантом, ходил-ходил. Потом мне Турсун Икрамович говорит: «Слушай, что-то уже время прошло, ты ходишь, а время же идёт! Это, правда, тебе нужно...». Турсун сильно повлиял на моё становление и как учёного, и в моральном плане. Ну и Зуев Юрий Алексеевич мне говорит: «Саша, вообще-то вы должны ко мне подходить, а тут я к вам подхожу!» Он знал немного ситуацию и сказал: «Предлагаю вам писать по китайским источникам про тюрков Центральной Азии, про кочевников, желательна монгольская эпоха!» Потом, правда, тема немного изменилась, но первоначально именно он мне тему дал и начал ориентировать меня в этом деле. Я тоже задумался над этим, а потом, когда приехал первый раз в Ленинград на стажировку, меня послали к *Кляшторному Сергею Григорьевичу*³¹, в кабинет тюркологии и монголоведения. Кляшторный был у меня первым руководителем на стажировке. Но он увидел, что я китаист, и сразу послал меня к Кычанову. А Зуев написал мне перед отъездом на стажировку письмо, причём, прочитал и дал мне его распечатанным. В письме было сказано: «Дорогой Женя, податель сего письма – Саша Кадырбаев. Прошу помочь ему определиться с темой. Я считаю, что ему нужно работать вот в таком ракурсе, а как ты думаешь – тебе

²⁹ *Настич Владимир Нилович* (1949 г.р.). Иранист, к.и.н. (1990). Сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (1973-1986). Сотрудник, зав. сектором Государственного музея искусства народов Востока (1987-1989), ИВ РАН (с 1989).

³⁰ *Пищулина Клавдия Антоновна* (1934–2021). Востоковед, иранист к.и.н. (1979). Окончила ИВЯ МГУ (1957). Сотрудник ИИАЭ АН КазССР (с 1960). Автор исследований по истории Казахстана, в т.ч. истории казахской государственности позднего средневековья, истории Могулистана, Казахского ханства.

³¹ *Кляшторный Сергей Григорьевич* (1928–2014). Востоковед, д.и.н., профессор (1992). Окончил востфак ЛГУ (1950). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР/РАН (с 1958). Преподаватель востфака ЛГУ/СПбГУ (с 1959). Специалист по древнетюркской рунической эпиграфике.

виднее!» Поэтому я пришёл к Евгению Ивановичу и передал это письмо. Он тут же прочитал его, и у него сразу, с самого начала отношение ко мне хорошее было. Правда, Кычанов и так к людям хорошо относился, а тут они с Зуевым ещё и друзьями были. Так я и начал работать уже с Кычановым...

ВГ: В каком году вы поехали на стажировку в Ленинград?

АК: В 1974 году. До этого, в 1973 году меня призвали на два месяца на военные сборы в Москву, в военный институт иностранных языков министерства обороны СССР, ныне Военный университет МО РФ.

Сборы офицеров запаса. Подмосковье, июнь-июль 1987 г. В 3-м ряду слева направо: 2-й – А.Ш. Кадырбаев, 4-й – Павел Спиринов (собкор «Первого канала» в КНР в 1999–2012), 7-й – В.Ц. Головачёв, 9-й – Н.П. Рябченко.

Дело в том, что в ДВГУ мы все проходили обучение на военной кафедре и занимались военным переводом с китайского три года, каждую субботу, а после 4-го курса поехали на месячные военные сборы в Уссурийск. Затем сдали экзамены и стали лейтенантами запаса, получив воинскую специальность военного переводчика и политработника (по спецпропаганде). Только в Москву в этот институт на военные сборы по два месяца я ещё попадал два раза, где, кстати, в 1987 году я и познакомился с вами, Валентин Цуньлиевич, а также встречал других однокашников по ДВГУ. Не всегда было удобно уезжать на военные сборы, но это было нашим долгом, как граждан СССР, и я сохранил об этом тёплые воспоминания.

ВГ: Да, на те сборы сроком в 55 суток собирали военных переводчиков со всего Советского Союза! Из Владивостока в том году был ещё китаевед *Николай*

*Павлович Рябченко*³². Через два года после Владивостока вы поехали в Ленинград? Значит, два года ушло на то, чтобы хотя бы примерно определиться?

АК: Да, примерно. В этом тоже никого нельзя винить, кроме самого себя. Может, я тогда незрел был и многих вещей не понимал. Казалось, что молодость – вечная такая штука, что время «стоит на месте».

ВГ: Но через два года вас «сослали» из Алма-Ата на стажировку в далёкий Ленинград, где, как говорил Пушкин, «свод небес зелёно-бледный, скука, холод и гранит»?

АК: Нет, не «сослали», конечно. Пробыться на стажировку в Ленинград тогда большой честью считалось! Хотя уровень науки в Казахстане был провинциальным, она всё-таки была там, и она всегда ориентировалась (древняя и средневековая) на Ленинградское отделение Института востоковедения или на Москву. Но считалось, что Москва тогда больше современностью занималась, а в Ленинграде уже был Турсун Икрамович. И Зуев тоже окончил востфак ЛГУ. В общем, они сразу ориентировали меня на Ленинград, мне в этом отношении повезло.

ВГ: Какую роль сыграла та стажировка в вашей профессиональной карьере?

АК: На стажировке я сразу же определился. Как попал в 1974 году, так и определился. Но стажировку мне немного «сломали». Ведь Турсун Икрамович уехал в Питер, где у него жена и ребёнок были. Мне должны были продлить стажировку, потому что результаты были хорошие, но сказали: «Да ну их, отправляешь национальные кадры, а они на местных девушках женятся и не возвращаются! Что это такое?» И я попал под «раздачу». Ещё отец приехал и говорит: «Что-то ты сломался как-то, настроения у тебя не было». В общем, я вернулся в Казахстан. Вместе с тем, круг моего научного общения не ограничивался востоковедами, в институте истории АН КазССР я дружил и сотрудничал и с историками из других отделов, ныне ставшими известными историками Казахстана, такими, как доктор исторических наук Жулдузбек Бекмухамедович Абылхожин, археолог Алишер Кемалевич Акишев, Калыбек Ибрагимович Кобландин, ставший послом Казахстана в Монголии. Но потом, уже в 1977 году, я ещё раз поехал в Питер.

ВГ: На вторую стажировку?

АК: Да, на вторую. Два года можно же было тратить на стажировку. В первый год я уже определился, уже знал тему. Евгений Иванович очертил мне такую: «Кочевые тюрки в Китае в эпоху монгольского владычества». Второй год я уже как бы закреплял свои результаты. На второй год Кляшторный уже официально сказал: «Пусть руководит Евгений Иванович, но вы просто будете при нашем кабинете». Поэтому я как тот телок, что «двух маток сосёт». Я и у Евгения Ивановича в отделе Китая был, и в тюрко-монгольском кабинете.

ВГ: Это было в ЛО ИВАНе?

³² *Рябченко Николай Павлович* (1948 г.р.). Китаевед, к.и.н. (2000). Окончил востфак ДВГУ (1976). Сотрудник ИИАЭ НДВ ДВО РАН. Область исследований: история КНР и советско-китайских отношений.

АК: Да, в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР. Сейчас он называется *Институт восточных рукописей*³³. Это был филиал нашего московского института. Когда я пришёл на стажировку, директором ещё был *Бободжан Гафурович Гафуров*³⁴, знаменитый директор. Я даже видел его один раз, он приезжал в Питер по каким-то делам, и мы его в коридорах видели.

ВГ: Как ваша стажировка переросла в учёбу в аспирантуре?

АК: Я учился в аспирантуре три года. Сначала должен был сразу прийти в аспирантуру, но там не было места, чтобы переводить меня. Поэтому я снова вернулся в Алма-Ату, где после шести лет меня перевели с должности старшего лаборанта в «младшего научного сотрудника». Потом мне говорят: «Если в Питер в аспирантуру места нет, мы тебя прикомандируем туда». Я говорю: «Хорошо». И поехал туда на год уже в командировку. Там, правда, были проблемы с общежитием, но я там нелегально жил.

ВГ: И так уже третий год ленинградской жизни пошёл, да?

АК: Да. Правда, потом руководство в Алма-Ате почему-то подумало, что мне этого хватит. Но я им сказал: «В аспирантуру всё равно поеду! Если есть человек, которого вы рекомендуете, пусть он тоже едет! Мы сдадим экзамены, кто лучше сдаст – тот и будет аспирантом!» Потом они посмотрели и говорят: «Ну, хорошо», и я поехал уже в аспирантуру. Это был уже где-то 1981 год. Я приехал в аспирантуру и проучился в ней три года. Работал уже целенаправленно с Кычановым. Кляшторный и Турсун Икрамович с тюркологической точки зрения мне там тоже помогали. Например, вышла книга на турецком языке, в которой были переводы из «*Юань ши*»³⁵ и многие другие источники. Кроме того, я очень признателен выдающимся китаеведам *Михаилу Васильевичу Воробьёву*³⁶ и *Сергею Александровичу Школяру*³⁷, первый из которых был оппонентом моих кандидатской и докторской диссертаций, а второй был секретарем Учёного совета ЛО ИВ АН по защите диссертаций. М.В. Воробьёв – учёный с мировым именем, исследователь империи Цзинь и чжурчжэней, а С.А. Школяр – автор монографии по китайской доогнестрельной артиллерии. С.А. Школяр, суровый человек с виду, на самом деле всей душой

³³ *Институт восточных рукописей РАН* (ИВР РАН). С 1956 – Ленинградское отделение ИВ АН СССР (ЛО ИВАН). В 2007 переименован в ИВР РАН. Специализируется на комплексном изучении памятников письменности Востока, а также древней и средневековой истории стран Азии и Северной Африки. Официальный сайт: <http://www.orientalstudies.ru>

³⁴ *Гафуров Бободжан Гафурович* (1908–1977). Советский государственный и партийный деятель, историк, 1-й секретарь ЦК КП Таджикистана (1946–1956), директор Института востоковедения АН СССР, д.и.н., академик АН СССР (1968). Герой Таджикистана (1997, посмертно).

³⁵ *Юань-ши 元史*. Одна из 24-х официально признанных официальных историй Китая, повествующая о монгольском правлении в эпоху Юань.

³⁶ *Воробьёв Михаил Васильевич* (1922–1995). Востоковед, д.и.н. (1972). Окончил востфак ЛГУ (1950). Сотрудник ЛО Института археологии (1954–1965) и ЛО ИВ АН СССР (с 1965). Исследовал историю Японии, Кореи, а также чжурчжэней и государства Цзинь (115–1234).

³⁷ *Школяр Сергей Александрович* (1931–2007). Китаевед, к.и.н. (1970). Окончил востфак ЛГУ (1954). Сотрудник ЛО ИВАН–ИВР РАН СПб (с 1955).

помогал молодым учёным и аспирантам в оформлении их работ при подготовке к защите. Успешная моя работа в ЛО ИВ АН была немислима без поддержки моих коллег из тюрко-монгольского кабинета – С.Г. Кляшторного, Андрея Мартынцева, Алексея Сазыкина, Саши Витола, Т.И. Султанова, Ирины Кульганек, Н.А. Дулиной, Натальи Яхонтовой, Лейлы Юсуфджановны Тугушевой... Я имел счастье общаться с учеными ЛО ИВ АН – Ромодиным Вадимом Александровичем – знатоком Афганистана, Акимушкиным Олегом Федоровичем – выдающимся специалистом по истории иранских народов, Магомедом Абдулкадыровичем Дандамаевым – великолепным специалистом по истории Древнего Востока, арабистом Анасом Бакиевичем Халидовым, с Ириной Петросян, Ниной Лужецкой и *Ириной Поповой*³⁸, которые не только известные специалисты в востоковедной науке (Ирина Попова – ответственный редактор 3-го и 4-го томов десятитомной «Истории Китая» и член-корр. РАН), но и очаровательные женщины и поныне будоражащие воображение мужчин. Глубокое впечатление оставили на всю мою жизнь аспиранты ЛО ИВАН, мои товарищи «по счастью» – арабист Тимур Айтберов и тюрколог Гасан Оразаев из Дагестана, *Таня Скрынникова*³⁹ и *Светлана Анিকেева*⁴⁰, арабист Александр (Алекса́нт) Хачатрян и иранист Гарник Асатрян, историк Сувакун Бегалиев, китаист Мурат Иманалиев, японист Вадим Климов, биологи Сергей Бондаренко из Украины и Багаутдин Ахмадов из Чечни, Роман Дбар из Абхазии, Дмитрий Парфёнов, Наталья Иовченко, математик Тариэль Талыбов, физики Нурлан Маженов, Шавкат Юлдашев, Халим Нажмутдинов, Султан Султанов, Бутта Буттаев, Александр Хасбулатов, Сергей Исаев, филолог Татьяна Холматова, Муаттар Азимова, Гозеля Ходжаева. Моим старшим товарищем и наставником был докторант Хамид Гулямович Нигматов, любимый ученик известного тюрколога академика АН СССР А.Н. Кононова. Мы, аспиранты, иногда приглашали к себе на застолье в неформальной обстановке своих учителей – Е.И. Кычанова, *Л.Н. Меньшикова*⁴¹, М.А. Дандамаева, А.Б. Халидова, Т.И. Султанова. Как-то у нас в гостях был их друг Зия Мусаевич Буниятов – человек-легенда, известный учёный, историк-арабист, академик АН Азербайджанской ССР, фронтовик, Герой Советского Союза, которого все любили в ЛО ИВ АН. В ходе этих застолий они рассказывали нам такие вещи, которые тогда, мягко

³⁸ *Попова Ирина Фёдоровна* (1961 г.р.). Китаевед, д.и.н. (2000), профессор, член-корреспондент РАН (2019). Член Совета по науке и образованию при Президенте РФ (с 2020). Директор ИВР РАН в Санкт-Петербурге (с 2003). Окончила востфак ЛГУ (1983). Преподаватель востфака СПбГУ (с 1995).

³⁹ *Скрынникова Татьяна Дмитриевна* (1948 г.р.). Монголовед, д.и.н. (1995), профессор (2002). Окончила востфак ЛГУ (1974). Сотрудник ИМБТ СО РАН (1974–2011); зав. отделом Центральной и Южной Азии ИВР РАН СПб (с 2011).

⁴⁰ *Аникеева Светлана Михайловна*. Директор, издательская фирма «Восточная литература», д.ф.н.

⁴¹ *Меньшиков Лев Николаевич* (1926–2005). Китаевед, переводчик, историк и литературовед. Доктор филологических наук (1976), профессор (1991). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1955). Окончил востфак ЛГУ (1952). Специалист по кит. драме, издатель и интерпретатор традиционных кит. текстов (в т.ч. рукописей из Дуньхуанского фонда и коллекции Хара-Хото). Почётный член Дуньхуанской академии КНР (1999).

говоря, не афишировались, хотя ныне всё это известно. Мы тогда слушали, открыв рот, и Магомед Абдулкадырович, бывший в то время секретарём парткома ЛО ИВ АН, сказал: «Ребята, если кто-то узнает, что я вам говорил, будут проблемы». Но всё это не вышло из нашего круга общения. Все они дороги моему сердцу и общение с ними также является тем, что привело меня, образно говоря, к «сияющим вершинам науки».

Слева направо: Ирина Петросян, Александр Кадырбаев, Турсун Султанов, Мария Тодорова, Андрей Мартынец

А.Ш. Кадырбаев и А.Л. Ивлиев во время командировки в Ленинграде

ВГ: Вашим основным источником была «История Юань»?

АК: Да, «Юань ши». Но её читать нужно было, а у меня навыков ещё не было. Мы же учили современный китайский язык, а тут надо было знать *вэньянь*⁴²...

⁴² *Вэньянь* 文言 – классический письменный язык, использовавшийся в Китае в основном до начала XX в. в литературных произведениях, научных публикациях, официальных документах и для деловой переписки.

Не мне вам говорить, что в Китае в каждую эпоху свой язык был. Вэньянем со мной специально занимался Лев Николаевич Меньшиков – светило, доктор филологических наук, очень красивый человек и внешне, и внутренне. Он даже, по-моему, был поэтом, потому что переводил с китайского языка стихи Танской эпохи. Лев Николаевич был не только выдающимся китаеведом, но и вообще всесторонне развитым человеком. Благодаря ему я не только осваивал китайский язык эпохи Юань, но и вообще повысил уровень своей общей гуманитарной культуры. После занятий я в течение часа провожал Льва Николаевича от ЛО ИВ АН на Дворцовой набережной, дом 18, до его дома на Литейном проспекте. Путь наш пролегал по Невскому проспекту, и всё это время я слушал, открыв рот, рассказы Льва Николаевича на самые разнообразные темы, от искусства до состояния современной русской советской литературы, в том числе и диссидентской. Вся атмосфера в ЛО ИВ АН, когда я там имел счастье пребывать, и окружавшие меня учёные создавали условия в высшей степени благоприятные для занятий наукой. Даже здание, где располагался ЛО ИВ АН, бывший дворец великого князя, брата императора Всероссийского, тоже был памятником культурного наследия, стоящим (в прямом и переносном смысле) в одном ряду с Государственным Эрмитажем.

ВГ: Он с вами официально занимался вэньянем?

АК: Да, официально, потому что институт истории АН Казахской ССР оплачивал эти занятия со мной. И у него была своя методика. У меня работа сделана в основном по «Ле чжуань», то есть по разделу «Биографий» из «Юань ши». Вот мы и занимались ими, сидели с Меньшиковым сразу на этих текстах, которые я потом использовал в диссертации. Он мне объяснял грамматику и прочие вещи. Таким образом мы занимались два года во время стажировки, а потом ещё год в аспирантуре. Когда возникали проблемы, я всегда шёл к нему! К стыду своему, я не смог овладеть тем, чем владел Лев Николаевич. Это был высший пилотаж, мне до него далеко! Но всё же тогда удалось сделать многое. У меня есть большой пласт этих материалов из раздела «Ле чжуань». Сейчас я даже хочу систематизировать все эти переводы, сделать комментарии и, наверное, надо издать их.

ВГ: Чьи биографии вы использовали?

АК: Поскольку я ориентировался на «тюрков» в Китае, у меня там условно отобраны те, кого относили к тюркским народам. Сначала карлуки, кипчаки, канглы были, потом средневековые уйгуры, а потом я уже сам вошел во вкус, начал всяких джалаириков, найманов и киреитов переводить. Поэтому мне ещё Дим Димыч и молодой друг Зураб Кананчев не раз говорили: «Давай, это надо сделать, будет хорошая “нетленка”!» Я понимаю всё это. Конечно, Льва Николаевича очень не хватает, но, видимо, нужно самому это сделать.

ВГ: Вы успели написать и защитить диссертацию до окончания аспирантуры?

АК: Да, успел. Тогда такой порядок был – ты должен был успеть написать диссертацию во время срока обучения. За это тебе давали ещё месяц отпуска, и ты мог жить ещё в «одноместке», которая полагалась аспиранту третьего года. Я ровно в срок успел, прошёл обсуждение, всё классически было. Дело в том,

что у меня срок кончался 1 января 1984 года, и я должен был возвращаться в Казахстан. Но я понял, что если туда вернусь, то потом будет трудно оттуда выехать: командировка, деньги. Поэтому я просто не поехал в Казахстан – по принципу «победителей не судят». Я дождался заседания Учёного совета ЛО ИВАН в середине января, где меня рекомендовали к защите. Время защиты назначили на апрель. Я оформил все нужные документы и нахально явился в Казахстан уже в марте. Приехал в Алма-Ату, и там мне сразу начали говорить: «Вот, ты столько пропустил, иди к директору!» Я пришёл, а он говорит: «Почему так происходит? Вы работу подготовили?» Я отвечаю: «Подготовил, защита назначена в апреле». Директор тогда и говорит: «Хорошо, победителей не судим, всё правильно!»

ВГ: Как звучала тема вашей кандидатской диссертации?

АК: Тема у меня была такая: «Тюрки (кипчаки, канглы, карлуки) в Китае при династии Юань». Вы знаете, что в то время, в ходе завоевания Китая, монголы привлекли так называемых «цветноглазых» сэму 色目. Это было второе привилегированное сословие во властной пирамиде, которая делилась на четыре сословия. Внизу пирамиды были южные китайцы, чуть выше – северные китайцы. Ближе к монголам стояли выходцы из стран к западу от Китая, в том числе и тюрки. В своей кандидатской я только упомянутыми тюрками ограничился. Когда уже докторскую диссертацию писал, мне Евгений Иванович говорит: «Эту тему расширим, возьмём всех иностранцев из Западного края!» Я включил в диссертацию всех уйгуров, мусульман, русских, кавказцев... Правда, их, этих иностранцев из Западного края, всего один процент был в той системе, как и монголов, но монголы сумели создать систему управления семьюдесятью миллионами китаеязычных подданных. Вот такая работа была.

ВГ: Какими были основные выводы в вашей кандидатской диссертации?

АК: Кандидатская диссертация, как я уже сказал, была посвящена роли некитайских народов, выходцев из стран, лежащих к западу от Китая – тюркских кочевников: кипчаков, канглы, карлуков, которые потом сыграли важную роль в этногенезе современных тюркских народов, в том числе, и тюркских народов России. Поэтому основные выводы были сделаны, прежде всего, сквозь призму взаимоотношений китайцев с кочевыми народами. Вы знаете, что эта проблема очень важна для китайской историографии и поныне, поскольку угроза с их стороны для Поднебесной, а также взаимовлияние кочевых народов и Китая проходят красной нитью через всю китайскую историю. Монгольская эпоха в этом отношении особенно интересна, так как тогда прямое участие в управлении Китаем приняли выходцы из кочевых народов, привлечённые монголами в качестве союзников. Правление созданной монголами империи Юань продолжалось около столетия. Поскольку различие в соотношении численности завоевателей и завоёванных было колоссальным (монголов было от силы 1%), монголы, как я уже говорил, привлекли к управлению выходцев из других завоёванных ими стран. Они рассчитывали, что эти чужеземные элементы, не имевшие никаких корней в Китае, будут

верно служить монгольским правителям, что, в итоге, так и оказалось. По своей культуре тюркские кочевые народы были близки к монголам. Эпоха Юань – очень необычное время в многотысячелетней истории Китая. Это один из немногих периодов, когда Китай был открыт другим странам и народам, пусть даже путём создания «варварской» империи и потери суверенитета почти на целое столетие. И хотя монголы опирались как на материальный, так и на культурный китайский потенциал, всё-таки это было не китайское государство. Мы знаем ещё один период, когда Китай был так открыт – это было время правителей империи Тан, тоже не китайских по происхождению, но это не настолько ярко выражено было. И, кроме того, в то время происходил очень мощный синтез культур. Когда мы говорим о многоэтничности Китая, нужно помнить, что в то время в Китае было три государственных языка: первый – монгольский, как язык завоевателя. Вторым в эпоху Юань был китайский язык, как язык завоёванного народа, который по численности в почти в сто раз превышал число своих завоевателей. Потребности управления страной вынуждали монголов использовать китайский, хотя для того, чтобы унижить побеждённых, монголы не стали использовать вэньянь, этот официальный китайский язык, а взяли форму разговорного китайского – *бэй хуа* (северные говоры), что не считалось уступкой покорённому народу. Третьим языком был фарси, то есть новоперсидский язык. Это тоже редкое явление в истории Китая, когда язык другой цивилизации был одним из государственных. Была ещё средневековая уйгурская письменность, на которой функционировал монгольский язык, которая обслуживала весь монголоязычный мир до 1921 года (в Монголии перешли на кириллицу уже после народной революции). И пусть всё это было сравнительно недолго, около ста лет, но этот период был в истории Китая. То есть почти сто лет, когда Китаем правили иностранцы – представители столь отличных от китайской цивилизации культур, тоже были историческим феноменом, с точки зрения взаимовлияния культур, и это тоже достойно внимания и изучения. Кроме того, эпоха Юань и в китайской историографии важна, хотя, к сожалению, её не так политически интерпретируют в современном Китае. Её оценки не лишены политической конъюнктуры.

ВГ: В чём это проявляется?

АК: Китайские историки считают, что это было время, когда те народы, которые сейчас представлены в КНР, тоже жили в Китае. Считают, что это традиция совместного бытия китайского с другими народами, которые сейчас представлены на этнической карте КНР, что они имеют традицию и истоки, которые ведут в эпоху Юань. Они считают, что империя Юань – это китайское государство, где просто правила династия, имевшая монгольское происхождение. А это совсем не так. Монгольское завоевание было всемирным явлением, оно охватило большую часть Евразии, а после распада Великой Монгольской империи образовались отдельные монгольские государства, в том числе и в Китае, и на Руси. В Восточной Европе была Золотая Орда, в Иране и Азербайджане – Улус Ильханов Хулагуидов. Всё это были монгольские

государства. С другой стороны, проведение параллелей с последствиями монгольского владычества в столь разных странах и столь разных цивилизациях и сопоставление их с тем, что было в Китае, даёт ответы не только на вопросы истории Китая, но и на вопросы истории тех стран.

ВГ: Монгольское господство на Руси утвердилось даже чуть раньше, чем в Китае. Наверное, всё это и определило широту ваших исследований, которые не могли замыкаться только на Китае.

АК: Да. И потом, живя в Казахстане я «вошёл во вкус» изучения народов Центральной Азии. Интересно, что образование китаеведа исключительно полезно для этого. Не хочу говорить плохо о Японии и прочих странах, но для центральноазиатских народов китайская цивилизация важнее, потому что она «пограничная». Потом было же и сильное историческое влияние. Со II века до н.э. китайцы влияли на Центральную Азию. Там было всякое, были и столкновения. И каждую тысячу лет китайцы возвращались в этот регион. Это обстоятельство тоже обусловило такой сильный интерес. И потом, часть Средней Азии территориально находится в Китае: Синьцзян-Уйгурский автономный район – это же Восточный Туркестан, это дореволюционное название в Средней Азии.

ВГ: Давайте вернёмся к Казахстану позднего советского периода, когда вы там работали! К тому времени уже сложился свой центр китаеведения в Алма-Ате, недалеко от Китая. Как вы оцениваете уровень китаеведения в Казахстане накануне распада СССР? Сколько там было китаеведов вообще?

АК: Можно сказать, что Казахстан даже не был центром китаеведения в регионе Центральной Азии. В советское время там даже не было Восточного факультета, он появится уже в 1990-е годы. Поэтому восточные языки можно было изучать только за пределами Казахстана. Но был ещё Ташкентский университет, где имелся свой Восточный факультет и преподавали китайский язык, который, кстати, окончила Клара Шайсултановна Хафизова. Поэтому можно сказать, что более крупный центр был в Ташкенте. Тем не менее, даже историю Казахстана невозможно рассматривать без китайских источников, вне истории Китая. Во-первых, это огромная, исторически сложившаяся общая граница, которая была частью советско-китайской границы. Этот участок сопоставим или даже больше современного участка российско-китайской границы на Дальнем Востоке. Должен признать, что уровень китаеведения был провинциальный, в том смысле, что Казахстан не был сложившимся центром китаеведения. Но люди, которые занимались там китаеведением, были выпускниками востоковедных вузов в Москве и Ленинграде. Они имели хорошую подготовку, защищали диссертации в Москве и Ленинграде. Были ещё такие люди, как *Сыроежкин Константин Львович*⁴³. Он в 1980 году подключился, окончил высшую школу КГБ, где тоже был хороший уровень

⁴³ *Сыроежкин Константин Львович* (1956 г.р.). Казахстанский политолог, востоковед, синолог. Д.п.н. (1995), профессор, академик Академии политической науки Республики Казахстан. Окончил Высшую школу КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского (Москва, 1981), по программе с изучением кит. языка.

подготовки китаеведов в советский период. Костя прошел непростой жизненный путь. До поступления в высшую школу КГБ был рабочим Алма-тинского завода тяжелого машиностроения. Воевал в Афганистане и был ранен. При этом он был скромным человеком, мне он imponировал своим независимым характером и обостренным чувством справедливости. Был советником у нынешнего президента РК К. Токаева в его бытность главой МИДа РК. К сожалению, осуждён властями РК по обвинению в шпионаже в пользу КНР, во что я не верю. Он написал ряд монографий о межнациональных отношениях в Китае на примере Синьцзян-Уйгурского района (СУАР) КНР. *Моисеев Владимир Анисимович*⁴⁴ – тоже очень достойный человек, в Москве аспирантуру прошёл в ИВ РАН под руководством Б.П. Гуревича. Хотя он и не китаист, но занимался российско-китайскими отношениями и историей кочевых народов Центральной Азии – казахов и калмыков Джунгарии по материалам архивов. Следует отметить известного казахстанского китаевода Аблета Каюмовича Камалова, выпускника Ташкентского университета, окончившего аспирантуру ЛО ИВ АН, ученика Кляшторного и Меньшикова, доктора исторических наук. Он – автор книги об Уйгурском каганате, а также исследует роль иностранцев в Китае в эпоху Тан. В начале 1990-х годов, после гражданской войны в Таджикистане, в Алматы переехал востоковед, иранист и арабист Сафар Абдулло из Душанбе. Он основал при Иранском культурном центре в Национальной библиотеке РК научный журнал «Иран-наме», который плодотворно функционирует уже пятнадцать лет. Сафару принадлежит честь описания и научной систематизации всех восточных рукописей на фарси, арабском и чагатайском языках, которые до этого десятилетиями лежали неразобранными в фондах Национальной библиотеки Казахстана.

ВГ: Вы сказали, что докторская диссертация стала продолжением кандидатской?

АК: Да, в докторской диссертации я продолжал уже начатую тему. Когда я уже делал докторскую, Евгений Иванович сказал мне: «Слушай, там *Игорь де Рахевильц*⁴⁵, известный очень австралийский учёный, монголовед и китаевед, недавно опубликовал работу «Тюрки в Китае». Вот видишь, хорошие идеи в воздухе долго не витают!» Должен сказать, что это обстоятельство сыграло свою роль. Евгений Иванович сказал, что эта тема требует дальнейшего рассмотрения, и я продолжил изучать все объединённые империей Юань народы к западу от Китая. Среди «цветноглазых» *сэму* была заметная доля выходцев из иранских народов, из арабов, мусульманских народов. Там даже был кавказский корпус, в частности *асы* – ветвь из народов современного Северного Кавказа. Причём тогда они были в основном православными христианами. Русские там даже были, известно о русском полке. Много было выходцев с Ближнего Востока: сирийцы, армяне и много уйгуров. В своей

⁴⁴ *Моисеев Владимир Анисимович* (1948–2007). Историк, востоковед, д.и.н., профессор Алтайского госуниверситета.

⁴⁵ *Рахевильц Игорь де (Igor de Rachewiltz)*, 1929–2016). Австралийский историк и филолог, специализировался на монголоведении. Имел докторскую степень (1961) по истории Китая.

кандидатской я уйгуров не трогал, а тут занялся этими уйгурами. Они же все были учителями монгольских царевичей, их вклад в культуру очень велик! Поэтому в своей докторской диссертации я расширил круг материалов на порядок.

ВГ: Есть мнение, что «цветноглазые» – всё же не «цветноглазые», а инородцы, то есть люди некоего иного, особого облика, рода или сорта. Или «инородные главари», по аналогии с *тоу му* 頭目.

АК: Я задумывался над этим, рациональное зерно в этом есть. Скорее всего, это действительно инородцы иного облика, потому что они как-то расово отличались. Европеоидная раса – это было необычно для Китая. Должен сказать, что там был большой пласт европейцев, я их тоже упомянул. Самый известный – *Марко Поло*⁴⁶, хотя он не один там был. Такие люди как-то уживались и занимали высокие посты, что было редким и очень интересным явлением в мировой истории. Даже сейчас, при всех быстрых современных коммуникациях, адаптация в чужих условиях, в иной языковой среде, в иной культуре – тоже трудное дело. А тогда люди жили, в основном, не выходя из своей округи.

ВГ: Как повлиял на казахстанскую синологию развал СССР? Что изменилось?

АК: Это интересный вопрос. Повлиял негативно, так как прервались давние научные связи, появилась масса псевдоучёных. Хотя китаеведение в Казахстане существовало на провинциальном уровне, всё равно, достойные люди получали хорошее образование и отвечали самым высоким научным требованиям, принятым в главных китаеведческих центрах нашей страны. Но потом хлынул поток казахов из Синьцзяна, которые получали гражданство в Казахстане. И многие думали, что если они знают бытовой китайский язык (даже не знали, а имели представление и утверждали, что знают язык), то имеют преференции. Мне пришлось столкнуться с этими людьми, когда меня приглашали председателем государственной комиссии по сдаче выпускных экзаменов на востфаке в Казахском национальном государственном университете им. Аль-Фараби, поскольку я являюсь профессором этого университета. Не буду описывать детали, но был очевиден крайне низкий уровень выпускников. Конечно, мы старались бороться, как могли. Но как можно было бороться? Ну, я писал петиции. Мне в ответ на это улыбались, а на следующий год всё опять к тому же самому приходило.

С другой стороны, был создан местный восточный факультет, при котором открылись кафедры турецкого языка, персидского и т.д. Как правило, приглашали товарищей из этих стран. Китаистов там тоже начали готовить, но всё-таки уровень их подготовки был не очень высокий. Правда, всегда и везде есть способные люди. Недостаток подготовки они компенсировали тем, что в

⁴⁶ *Марко Поло* (*Marco Polo*, 1254–1324). Венецианский купец и путешественник. Описал историю своего путешествия по Азии в знаменитой «Книге о разнообразии мира» или «Книге Марко Поло». Эта книга служит ценным источником сведений по географии, этнографии, истории Армении, Ирана, Китая, Казахстана, Монголии, Индии, Индонезии и других стран в средние века.

Казахстане был широко открыт въезд в Китай, где они как-то подтягивались за счёт практики. Но чтобы кто-то наукой занимался на высоком уровне, я среди молодёжи пока таких не знаю. Те, кого я знаю, в основном – выходцы из советской школы. В целом общий уровень исторических исследований упал, потому что появились всякие псевдо-истории – «болезнь роста» нации, все кинулись увлекаться древним и средневековым Казахстаном. А я всегда говорил, что невозможно заниматься древними и средними веками в истории Казахстана не будучи востоковедом, что это предмет востоковедных исследований. Но в Казахстане этой историей занимаются те люди, которые раньше занимались историей КПСС и считали, что, если они по происхождению восточные люди, коренное население, то этого будет достаточно. Но вы сами знаете, что «кровь» к науке никакого отношения не имеет. В общем, я столкнулся с этими вещами.

ВГ: Что заставило вас покинуть Казахстан и переехать в Москву? И почему в Москву, а не в Петербург, если вы из «ленинградской школы»?

АК: Дело в том, что в Ленинграде было Ленинградское отделение Института востоковедения, а сам Институт находился в Москве. Но Ленинграду я обязан в первую очередь. Именно там я сформировался как учёный, и обе диссертации я там защитил. Питер – моя альма-матер. Когда я защищал докторскую, мне очень сильно помог *Аликбер Калабекович Аликберов*⁴⁷, который тогда жил и работал в Питере после окончания аспирантуры ЛО ИВ АН. Мне нужно было время завершить работу, а срок проживания в общежитии закончился. Тогда Аликбер решил этот вопрос, и я не остался без крыши над головой. Были ещё и всякие житейские обстоятельства в пользу переезда в Москву. В Казахстане в период так называемой независимости я тоже пробыл девять лет, из которых лет восемь там преподавал. На глазах у меня всё это хозяйство разворачивалось. Честно сказать, меня никто не выгонял.

ВГ: Что стало решающей причиной или поводом для переезда?

АК: Я не способен заниматься бизнесом – это не моё, но уж если заниматься наукой, то в Москве или Петербурге. В Москве у меня ещё сестра и друг Амин Асанович Мустафаев, тоже востоковед, окончивший аспирантуру ИВ РАН и защитивший кандидатскую диссертацию в нашем Институте. Он сильно помог мне материально, без его помощи мне было бы сложно перебраться в Москву. И потом, я думал, что Москва и Петербург на одном уровне находятся, как столичные города.

ВГ: Вы уже больше двадцати лет занимаетесь наукой и преподаванием в России. Что для вас важнее, наука или преподавание?

АК: Для меня наука важнее. Я люблю преподавать, читать лекции. Я преподавал в Высшей школе экономики и преподаю в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, на кафедре Центральной Азии и Кавказа,

⁴⁷ *Аликберов Аликбер Калабекович* (1964 г.р.). Востоковед, историк, исламовед, д.и.н. (2020). Сотрудник (с 1993), директор Института востоковедения РАН (с 2020). Член Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений и Научного совета по комплексным проблемам востоковедения. Окончил истфак ДаГУ (1986).

где вел лекции по истории и культуре Центральной Азии и опубликовал ряд книг в соавторстве с докторами исторических наук, завкафедрой, профессором *Сыздыковой Жибек Сапарбековной*⁴⁸ и *Ильёй Владимировичем Зайцевым*⁴⁹. В Российском государственном гуманитарном университете я преподаю историю Китая, историю российско-китайских отношений и другие курсы, но наука – на первом месте. Поэтому для меня базовое – это работа в Институте востоковедения, а всё остальное – вспомогательное.

ВГ: Когда вы пришли в институт, в каком отделе начали работать?

АК: Тут я сразу начал работать с Дмитрием Дмитриевичем Васильевым в Отделе истории Востока.

ВГ: И все годы трудитесь в одном отделе?

АК: Только там работаю, да. Дмитрия Дмитриевича я знал ещё до этого лет пятнадцать, поэтому я всё время только в его отделе работал.

ВГ: Как повлиял переезд на изменение тематики ваших исследований?

АК: Могу сказать, что тематика достаточно сильно расширилась. Тут я больше стал заниматься Китаем. Скажем, десяти томная «История Китая», где в пятом томе я был ответственным редактором – одно из моих достижений в этой области. Кроме того, в области истории Центральной Азии, которой я в основном занимался в Казахстане, диапазон моих исследований тоже расширился. Изучение собственно Казахстана стало развиваться только в советское время. А до советской эпохи это был общий регион, где все народы и регионы были «переплетены» своими историями. Древняя история в целом общая у них, средневековая – тоже. Поэтому тематика моих исследований в Москве сильно расширилась. Потом я попал в рамках отдела в сектор архивных публикаций и с большим удовольствием обнаружил, что архивы – это вообще «Эльдорадо», там столько сведений, так интересно! Например, я написал книгу (надо будет издать её!) об адмирале *Путятине*⁵⁰, о его миссиях в Османскую империю и в империю Цин.

ВГ: Это довольно широкий и контрастный разброс тем, поэтому у меня такой вопрос: какую научную сферу вы считаете для себя самой главной из всех, которыми вы когда-либо занимались?

АК: Если говорить о прошлом, то это та тема, по которой я написал кандидатскую и докторские диссертации. А вообще – это тема взаимоотношений народов Центральной Азии с Китаем.

⁴⁸ *Сыздыкова Жибек Сапарбековна* (1961 г.р.). Востоковед, д.и.н. (1998). Профессор (2000). Окончила Карагандинский госуд. университет им. Е.А. Букетова (1986). Профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока (2001–2010), завкафедрой стран Центральной Азии и Кавказа (с 2010) ИСАА МГУ.

⁴⁹ *Илья Владимирович Зайцев* (1973 г.р.). Российский историк-востоковед, д.и.н, и.о. директора ИНИОН РАН (2016–2018). Профессор РАН (2018). Заместитель директора Государственного Музея Востока (с 2018).

⁵⁰ *Путятин Евфимий Васильевич* (1803–1883). Граф, адмирал, гос. деятель, дипломат, мореплаватель, почетный член Петербургской АН (1856/57). В 1855 г. подписал первый договор о дружбе и торговле с Японией. В 1858 г. в Тяньцзине первым из представителей европейских держав заключил торговый договор с Китаем.

ВГ: Вы – автор ряда монографий и около 200 статей. Какой из своих научных трудов вы считаете самым главным, самым основательным?

АК: Главными, конечно, стали мои разделы в пятом томе «Истории Китая». Фактически туда вошли основные постулаты моей докторской диссертации.

ВГ: В проекте «Истории Китая» вы руководили написанием пятого тома, посвящённого империям Юань и Мин. Когда и как вы приступили к этой работе, сколько лет и как выполнялся этот проект, в чём его особенность?

АК: Это был такой «долгоиграющий» проект. Разговоры о нём шли, кажется, ещё в 2007 году. Обсуждался проект, Сергей Леонидович Тихвинский начал собирать коллектив. Меня к этому тогда ещё не привлекали, хотя *Олег Ефимович Непомнин*⁵¹ сказал, что я тоже должен принять участие в написании пятого тома по монгольской эпохе, поскольку считал, что это необходимо. В 2009 году уже первые намётки по проекту какие-то были. Я помню, что Тихвинский уже начал предметно обсуждать, распределять работу, но, мне кажется, реальная работа началась с 2012 года. Там уже заседания пошли, и был определён круг ответственных за отдельные тома. Первоначально я не был ответственным и не претендовал на это. Я на службу не напрашиваюсь, но и не отказываюсь. Я думал, что, в конце концов, Тихвинский – академик, и он сам знает, кто достойный. Сначала всё было нормально, *Алексей Анатольевич Бокщанин*⁵² тогда ещё в здравии был. Только года через два он уже начал терять память, и тогда встал вопрос о том, чтобы найти нового ответственного редактора. *Юрий Владимирович Чудодеев*⁵³ сразу предложил на это место меня, но назначили *Артёма Игоревича Кобзева*⁵⁴. Он, так он. Год побыл он в этой должности, потом что-то там у них с Тихвинским не срослось, судя по всему, и Тихвинский начал искать другого. Чудодеев опять предложил меня, но Тихвинский меня не знал, поэтому сказал ему: «Если вы ручаетесь за него...» и в таком духе. Я потом спросил Юрия Владимировича: «Как вы ручаетесь за меня, если я сам за себя не ручаюсь?» Тем не менее, если уже поручились, мне и отступать некуда было. Глаза боятся, а руки делают – ну, я и согласился. Правда, Артём Игоревич сказал, что это дело провальное. Но после этого я стал

⁵¹ *Непомнин Олег Ефимович* (1935–2020). Китаевед, д.и.н. (1968), профессор. Специалист в области истории и экономики Китая. Окончил ИВЯ при МГУ (1958). Сотрудник Института китаеведения (1958–1962) и ИВ АН СССР (с 1962).

⁵² *Бокщанин Алексей Анатольевич* (1935–2014). Китаевед, д.и.н. (1985), профессор. Окончил ИВЯ при МГУ (1958). Сотрудник Института китаеведения (1958–1962) и ИВ АН СССР (с 1962). Завотделом Китая ИВ РАН (1990–2011).

⁵³ *Чудодеев Юрий Владимирович* (1931 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1965). Специалист по новой и новейшей истории Китая. Окончил истфак МГУ (1954). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1962). Стажёр Пекинского университета (1964) и университета Фудань (Шанхай, 1985–1986). Зав. научно-изд. отд. ИВ РАН (1996–2007).

⁵⁴ *Кобзев Артём Игоревич* (1953 г.р.). Китаевед, д.филос.н. (1989), профессор (1999), спец. в обл. истории кит. философии, науки и культуры, сравнительной культурологии. Окончил филфак МГУ (1975). Сотрудник ИВ РАН (с 1978), зав. отделом Китая ИВ РАН (с 2011). Лауреат Государственной премии РФ (2010) за достижения в развитии китаеведения и подготовку 6-томной энциклопедии «Духовная культура Китая». Научный редактор сайта synologia.ru.

ответственным редактором. Это было очень трудоёмкое занятие, да и Тихвинский вообще очень строго контролировал несмотря на то, что ему было тогда 96 лет или, может, чуть меньше, он дожил до 99 с половиной. У меня всё время было ощущение, что он боялся не успеть завершить это дело при жизни. И он всегда контролировал, всегда звонил. Что меня удивляло, Тихвинский всегда чётко выговаривал моё полное имя. Я потом понял почему – оказывается, он долго работал в Синьцзяне по линии спецслужб. Он всегда был предупредительный, достаточно требовательный, но никогда не срывался на крик.

ВГ: В чём проявлялась его требовательность?

АК: Допустим, он всегда спрашивал, в каком состоянии находится работа. Нужно написать Введение? – «Пожалуйста, предоставьте, я посмотрю!» Я всегда регулярно приносил ему материалы, отчитывался. Такого момента, чтобы я пропускал его звонки, не было. Он любил говорить: «Все уже сдали давно свои тексты, а вы остались!» Хотя это было не совсем так, но говорилось для стимула. Я его понимаю, это всё было нормально. И потом, он был тесно связан со *Светланой Аникеевой*, она тоже всё время была под его контролем. Она тоже большой вклад внесла и в пятый том, и в другие тома, потому что редактирование было очень сложное и трудоёмкое. Если бы я один работал, то сложно было бы, особенно по части оформления. Ну и Тихвинский занимался своими делами. Не «царское» это дело – во все мелочи вникать, но в некоторые он всё же вникал. Я хорошо помню, когда принёс свой готовый том, этот «кирпич», и он так обрадовался! Дал мне бутылку вина и говорит: «Нужно получше что-то дать, но...».

ВГ: В каком году вы принесли пятый том?

АК: В 2015 году. Я тогда специально поехал к Тихвинскому, который жил уже не дома, а в санатории, но весь процесс по-прежнему контролировал. Помню, как в какой-то момент нужно было взять уже имеющиеся наработки А.А. Бокщанина и соединить их в главы, но я долго не мог получить эти материалы. В итоге Тихвинский обратился к *В.В. Наумкину*⁵⁵, Виталий Вячеславович связался с Кобзевым, и тот передал через него рабочие материалы. Причём Виталий Вячеславович мне сказал: «Ну зачем вам ссориться?» Я отвечаю: «Да я не ссорился, я человек маленький, мне что? Мне сказали – я сделал». Вот такой момент был. Тем не менее, все эти преграды мы преодолели, и я должен поблагодарить наш отдел истории Востока, Дмитрия Дмитриевича Васильева, поскольку без его поддержки и защиты, вряд ли пятый том увидел свет. Также благодарю сотрудников отдела Китая, – всех тех, кто принял участие в написании пятого тома. Наконец, хочу поблагодарить за поддержку моих

⁵⁵ *Наумкин Виталий Вячеславович* (1945 г.р.). Востоковед, исламовед, политолог, д.и.н. (1981), профессор (1988), член-корреспондент РАН (2011) академик РАН (2016). Директор ИВ РАН (2009–2015), научный руководитель ИВ РАН (с 2015). Президент Общества востоковедов России (с 2010). Член научного совета, вице-президент РСДМ (с 2011). Лауреат гос. премии РФ (2019). Кавалер ордена Александра Невского (2020)

друзей *Николая Крадина*⁵⁶ – член-корреспондента РАН, докторов исторических наук, тибетолога *Дмитрия Бураева*⁵⁷, декана востфака Бурятского университета и ученика Е.И. Кычанова и *И.М. Дьяконова*⁵⁸ – знаменитого учёного, знатока Древнего Востока, *Лёню Кураса*⁵⁹ и академика РАН *Бориса Базарова*⁶⁰.

Слева направо: *Дмитрий Дмитриевич Васильев, Сергей Григорьевич Кляшторный, Сарткожа Коршаубай-улы, Елена, Лейла Юсуфджановна Тугушева, Сайзана, Александр Шайдатович Кадырбаев*

ВГ: Собираетесь ли вы дорабатывать и переиздавать пятый том?

⁵⁶ *Крадин Николай Николаевич* (1962 г.р.). Историк, археолог, кочевниковед, д.и.н. (1999), профессор (2001), членкор РАН (2011). Сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток (с 1985). Заведующий Центром политической антропологии.

⁵⁷ *Бураев Дмитрий Игнатьевич* (1958 г.р.). Востоковед-тибетолог, д.и.н. (2001), профессор. Окончил ЛГУ (1980). Сотрудник института общ. наук СО РАН (1980–1993), работал в БМЦ, преподаватель Бурятского ГУ (с 1993).

⁵⁸ *Дьяконов Игорь Михайлович* (1914–1999). Востоковед, д.и.н. (1960). Специалист по древним письменностям, истории Древнего Востока. Сотрудник Эрмитажа (1937–1959), ЛО ИВ АН СССР (с 1954).

⁵⁹ *Курас Леонид Владимирович* (1951 г.р.). Востоковед, д.и.н. (1995), профессор, гл.н.с. Отдела истории и культуры Центральной Азии ИМБТ СО РАН. Академик Российской академии социальных наук, член Союза журналистов (с 1991).

⁶⁰ *Базаров Борис Ванданович* (1960 г.р.) Востоковед, д.и.н. (1995), профессор, член-корреспондент РАН (с 2003), академик РАН (2016), директор ИМБТ (с 1997), науч. рук-ль БНЦ СО РАН, Президент общества востоковедов РАН (с 2006). Засл. деятель науки Республики Бурятия (1998).

АК: Нет, не собираюсь. Пятый том, как и вся десяти томная история Китая – идея С.Л. Тихвинского, воплощённая в жизнь, прошедшая его редакцию. У меня нет на это морального права.

ВГ: Были ли у вас какие-то ошибки или неудачи в научной работе, которые вызывают глубокое сожаление?

АК: Наверное, были. Но плохое забывается как-то очень быстро. Просто у меня были периоды, когда слишком долго входил в тему, особенно в молодости, когда в Казахстане жил. Стоило быть более энергичным, конечно, а я какое-то время потерял. Но потом, на стажировке и в аспирантуре, такого уже быть не могло, потому что я оказался под контролем таких людей как Кычанов, Меньшиков, Турсун и Кляшторный.

ВГ: Вы много лет проработали в одном отделе с Олегом Ефимовичем Непомниным, который ушёл из жизни прошлой осенью, в 2020 году. Какую роль он сыграл в вашей жизни как человек, как коллега, друг?

АК: Я имел счастье работать с ним 20 лет, и он относился ко мне очень тепло! Почему-то, в какой-то момент мне показалось, что я ему очень симпатичен, как и он мне. Мы Олега Ефимовича в шутку, особенно за его вид на фотографиях, называли «Маркс». Он всё время смеялся по этому поводу. Ну и это он с Юрием Владимировичем Чудодеевым порекомендовали меня академику Тихвинскому, предложили сделать меня ответственным редактором пятого тома. Поэтому Непомнину я обязан очень многим. Да и повседневное общение с ним было незабываемым. Я его спрашивал: «Может, я не потяну?» А он мне говорит: «Вы – джигит, Саша, вы потянете!» Это у него шутки такие были. В общем он был трогательный человек, исключительно тёплый, очень ответственный, не терпел фальши, был принципиальным. Олег Ефимович был очень демократичным человеком и не любил тех, что следуют за политический конъюнктурой. Этим он мне тоже импонировал, потому что я тоже близок к нему в этом отношении. Среди людей, оказавших на меня большое влияние из учёных нашего Института, хотелось бы сказать о Ю.В. Чудодееве, китаисте, который в последнее время почти каждый год издаёт свои книги о Китае, о докторях исторических наук *Людмиле Анатольевне Чвырь*⁶¹, написавшей прекрасную книгу по этнографии народов Восточного Туркестана, *Алексее Леонидовиче Рябинине*⁶², защищавшим кандидатскую диссертацию, которую ВАК признал докторской, а также, к сожалению, уже покинувшими наш мир *Викторе*

⁶¹ Чвырь Людмила Анатольевна (1944 г.р.). Этнограф, д.и.н. (1993). Окончила истфак МГУ (1967). Сотрудник ИВРАН (с 1972). Член Учёного совета ИВ РАН; член эксп. советов РГНФ и РФФИ (с 1994), член Эксп. совета ВАК по ист. наукам (1994–2010).

⁶² Рябинин Алексей Леонидович (1950 г.р.). Востоковед, референт-переводчик, д.и.н. (1991), профессор. Сотрудник ИВ РАН (с 1973), НИУ ВШЭ (с 2004), ГАУГН.

*Григорьевиче Коргуне*⁶³ – заведомом и знатоке Афганистана, и *Михаиле Викторовиче Горелике*⁶⁴, оригинальном учёном и художнике.

ВГ: Вы написали несколько университетских учебников и пособий по истории стран Центральной Азии: Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан. Какой из них кажется вам самым удачным? Какой учебник готовите сейчас?

АК: Как раз сейчас я закончил очерки по истории Туркменистана. Может, потому что эта книга последняя, она мне больше всего нравится. Но она пока не вышла в свет. И потом, «каждый кулик своё болото хвалит», поэтому не мне говорить о своей книге. Но мне история Туркменистана нравится! На самом деле это целая серия книг – «История Центральной Азии» с грифом ИСАА МГУ и нашего Института востоковедения. Я бы хотел написать историю Восточного Туркестана, но, боюсь, в нынешних условиях это сложно.

ВГ: При написании учебников истории стран Средней и Центральной Азии, давали ли вам по ходу написания или перед этим какие-то внешние установки? Или вы писали исходя всецело из своих личных взглядов и подходов?

АК: Я писал исходя из собственных подходов. Я знаю, что существует конъюнктура.

ВГ: В чём основа ваших подходов?

АК: Академический подход. Сейчас история Центральной Азии, особенно взаимоотношения с Китаем или даже с Россией – тоже подвергается влиянию конъюнктуры. Включите телевизор (правда, я его не смотрю уже), и там такое услышишь о том же Казахстане от некоторых политиков! Я исхожу из академических соображений и ни в коем случае не опираюсь на труды псевдоисториков, которых столько развелось в Центральной Азии. Там тоже – такое пишут, так возвеличивают! Но к науке те люди не имеют отношения вообще. Поэтому всё это я отмечаю. С другой стороны, я не считаю нужным всем нравиться, потому что исхожу из академических подходов и не думаю о реакции псевдопатриотов как в республиках, так и здесь.

ВГ: Значит, критика всё же раздаётся?

АК: Да, раздаётся. В России тоже, как бы не рекомендуется, например, говорить о роли армянских дашнаков в Русском Туркестане в период 1917–1920 годов, потому что армянская общественность, мягко говоря, обидится. Я не говорю уже о восстании в Центральной Азии против Российской империи в 1916 году, где обе стороны были виноваты. Любое восстание можно характеризовать как «освободительное». Но, если разобраться, когда восставшие казахи и киргизы там начали резать, они же всех убивали, это же тоже нужно сказать! А мне говорят: зачем эти вещи?! Повстанцы же, в первую очередь, убивали военных и полицейских!.. Но ведь военные и полицейские тоже имеют право на жизнь!

⁶³ *Коргун Виктор Григорьевич* (1940–2014). Востоковед-афганист, д.и.н. (2000). Окончил ИВЯ при МГУ (1968). Научный сотрудник ИВ РАН (с 1975), завсектором Афганистана (с 2001). Профессор в ИСАА при МГУ (с 2001), ВУ МО РФ (с 2001), МГИМО (с 2009).

⁶⁴ *Горелик Михаил Викторович* (1946–2015). Искусствовед, востоковед, исследователь истории оружия. Кандидат искусствоведения. Научный сотрудник ИВ РАН (с 1973), академик Академии художеств Республики Казахстан..

Можно их не любить, но это ваши проблемы. С другой стороны, когда уже подавляли это восстание, там тоже ответ был ещё более мощным. И нам говорят, что и об этом не надо писать, потому что сейчас такая ситуация, что у России не было «колониализма». Но я пишу, я академически подхожу к этому. Нравиться я никому не собираюсь.

ВГ: Над какой научной темой или проблемой вы работаете сейчас?

АК: В данный момент заканчиваю уже упомянутую книгу про Адмирала Путятина и российско-китайские отношения. Планирую издать её в нашем институте. Это по материалам Российского государственного военно-морского архива. Очень хороший материал имеется о человеке, который внёс такой вклад в историю России! Он прирастил её территорию Приморским, Хабаровским краями и Амурской областью. Но мы мало знаем о нём. Памятники там стоят не ему и, мне кажется, это несправедливо. Эту книгу я хочу посвятить своему отцу, который, как я уже говорил, был капитаном 1-го ранга ВМФ СССР. Для меня это тоже важная причина.

ВГ: Ещё современники Путятина давали очень разные оценки его личного вклада и роли – от позитивных до резко негативных. Как вы оцениваете роль Путятина, положительно или отрицательно?

АК: Я просто взял военно-морские архивы. В этой связи я хочу выразить признательность зам. директору Российского военно-морского архива в Санкт-Петербурге Марине Евгеньевне Малевинской, благодаря помощи которой мне удалось реализовать свои научные планы. Это материалы на русском языке, на языке XIX века, который мы прекрасно можем понимать. Я собрал факты и просто проанализировал их. Но по документам видно, что Путятин действительно был патриотом России.

ВГ: Есть люди, которые считали Путятин карьеристом, интриганом и суетливым человеком, а есть люди, которые считают, что это был опытный дипломат, который уже в ту пору успешно занимался «челночной дипломатией» и сделал реально очень многое для России. Что говорят документы?

АК: Документы свидетельствуют в пользу второй версии. А то, что он «интриган», это субъективное мнение. Ну, может, какие-то интриги и были, но в целом он пользовался доверием первых лиц государства Российского. Я не говорю, что те люди были идеальными, но Великий князь *Константин Николаевич Романов*⁶⁵ ещё до отмены крепостного права провёл реформу в своём ведомстве – Военно-морском министерстве! Или *Горчаков*⁶⁶ – известный дипломат. Были и другие люди, может, рангом чуть ниже, но их роль в истории

⁶⁵ *Романов Константин Николаевич* (1827–1892). Великий князь, Генерал-адмирал, морской министр (1853-1881), второй сын императора Николая I, деятель эпохи Великих реформ императора Александра II, председатель Русского географического общества, председатель Государственного совета.

⁶⁶ *Горчаков Александр Михайлович* (1798–1883). Светлейший князь, глава русского внешнеполитического ведомства при Александре II, последний канцлер Российской империи (с 1867).

России тоже значительна. А Путятин в тех условиях сумел пробраться в Китай, хотя китайские власти этому первоначально препятствовали. Он прямо пишет в документах, что китайцы ему надоели, что он хочет «дать им по голове». После «опиумных войн» китайцы опасались иностранцев и это сказалось на миссии Путятинна. Но Путятин преодолел все эти препоны, потому что интересы страны были для него превыше всего, что и обусловило успех его миссии. Свидетельством этого является Тяньцзиньский договор⁶⁷ между Россией и Китаем. Это сенсация была вообще! Представьте, какое доверие ему было! Ему царь лично дал полномочия! Тогда телеграфа не было, и ему дали право принятия решения на своё усмотрение. Я уже не говорю о зарплате! Ему дали зарплату вперёд за десять месяцев, причём, это была зарплата уровня самого высокооплачиваемого дипломата в Российской империи, которым (это для меня оказалось открытием!) был посол в Стамбуле, в столице Османской империи. И Путятин этому соответствовал.

ВГ: Чем вы планируете заниматься в будущем, после книги о Путятине?

АК: Хотел бы снова заняться центральноазиатскими сюжетами. А в отношении Китая – мусульманскими народами Китая. Понимаю, что это сейчас не очень выгодно, учитывая современные конъюнктурные вещи, но мне хотелось бы. Как получится, не знаю, но думаю, что всё не вечно, ситуация тоже меняется.

ВГ: Приходилось ли вам бывать в Китае? Когда и где вы побывали в Китае?

АК: Я был в КНР два раза. В 2007 году в 10-дневной командировке в Пекине, вместе с А.А. Бокщаниным и академиком *Владимиром Степановичем Мясниковым*⁶⁸. Мы тогда побывали в Институте новой истории Китая Академии общественных наук КНР. Помню, я испытал глубокое впечатление от достопримечательностей Пекина и от экскурсии к Минским могилам. В конце нашего пребывания в Институте новой истории АОН КНР был организован научный семинар и обмен мнениями. Меня спросили, почему вы используете сепаратистский термин «Восточный Туркестан», а не Синьцзян. На это я ответил, что данный термин используется в западной и российской науке с середины XVIII века и означает страну, где живут тюркоязычные народы. Такой же вопрос был в отношении Маньчжурии. Почему вы используете его, а не термин *Дунбэй* – Северо-Восток. На что был ответ, что это название употребляется даже в российском фольклоре. Мы же не можем петь вальс «На сопках Маньчжурии», как «На сопках Дунбэя». Кроме того, китайским товарищам было сказано, что, хотя маньчжуры ассимилированы китайцами, не стоит стирать о них историческую память. Второй раз я был в Китае через три

⁶⁷ *Тяньцзиньский договор* – российско-китайский договор (Тяньцзиньский трактат). Подписан 13 июня 1858 г. в китайском г. Тяньцзинь. Со стороны России подписан вице-адмиралом Е.В. Путятинным, со стороны Китая – уполномоченными богдыхана Гуйлянем и Хуашаном.

⁶⁸ *Мясников Владимир Степанович* (1931 г.р.). Востоковед, китаевед, Академик РАН (1997), д.и.н. (1978), профессор (1982). Спец. по ист. рос.-кит. отн., ист. внеш. полит., историч. биографии. Советник РАН (с 2003). Предс. редколлегии книж. серии «Научное наследие» РАН. Зам. пред. Об-ва рос.-кит. дружбы. Награжден медалями СССР и орденом Дружбы (1999).

года, по случаю года русского языка в Китае. С делегацией от Российской государственной библиотеки мы посетили город Далянь, в прошлом Дальний, с которым ныне слилась бывшая легендарная база российского Тихоокеанского флота Порт-Артур. Кстати, в Порт-Артуре есть музей русско-японской войны, который мы посетили.

Справа налево: А.А. Бокщанин и А.Ш. Кадырбаев у Минских могил (Шисаньлин) в пригороде Пекина

ВГ: Приходилось ли вам работать в других странах?

АК: Нет, не приходилось, хотя бывал в научных командировках в Анкаре, Стамбуле, Тегеране, Улан-Баторе, Афинах, Вашингтоне и Париже. Казахстан у меня язык не поворачивается назвать другой страной. Для меня земли бывшего СССР не являются заграницей.

АГ: Доводилось ли вам контактировать и сотрудничать с зарубежными специалистами по Китаю и странам Центральной Азии?

АК: Да. Конечно. С Игорем де Рахевильцем из Австралии, *Питером Голденом*⁶⁹ из США, *Дьердем Кара*⁷⁰ и *Иштваном Мандоки*⁷¹ из Венгрии.

⁶⁹ *Питер Бенджамин Голден (Peter Benjamin Golden, 1941 г.р.)*. Американский историк-тюрколог, исламовед, исследователь Хазарии, Вост. Европы. Почёт. профессор Рутгерского университета, науч. руководитель Центра ближневосточных исследований (Нью-Брансуик).

⁷⁰ *Кара Дьердь (Kara György, 1935 г.р.)*. Монголист, тунгусо-маньчжурист и тюрколог, д.ф.н. (1975, Ленинград). Профессор (1978), академик Венгерской АН (2001). Окончил филос. Факультет Унив-та им. Лоранда Этвёша (1958, Будапешт) по специальности «востоковедение».

⁷¹ *Иштван Конгур (Коньур) Мандоки (Mándoky Kongur István, 1944–1992)*. Венгерский учёный, тюрколог, д.ф.н. (1981), профессор. Пионер европейского кыпчаковедения, автор

ВГ: Как вы относитесь к китайской кухне? Какую кухню предпочитаете, русскую или казахскую?

АК: Повседневно обычно у меня русская кухня, а вот по праздникам предпочитаю казахскую или, лучше сказать, центральноазиатскую. Китайская кухня тоже мне нравится!

ВГ: Есть ли у вас, как у востоковеда, своё личное профессиональное кредо?

АК: Кредо у меня примитивное – не останавливаться на достигнутом! Добиваться нового результата, который должен стать основой для новых восхождений.

А.Ш. Кадырбаев в Шисаньлин у статуи Чжу Юань-чжана, основателя империи Мин

ВГ: Вы много рассказали о своих учителях, и вы преподаете в вузах уже несколько десятков лет. Есть ли у вас свои ученики, ставшие профессиональными востоковедами? Имеются ли защитившиеся аспиранты?

АК: У меня всего два защищенных аспиранта. Один в Казахстане, а второй – Дмитрий Михайлович Тимохин, плодотворно работает в нашем Отделе истории Востока, он уже состоявшийся молодой учёный. В настоящее время являюсь руководителем аспирантки из КНР Лю Е-цзы, которая учится в Российском гуманитарном университете (РГГУ).

ВГ: Как стать хорошим китаеведом? Какие качества для этого нужны? И что бы вы пожелали молодым, начинающим профессиональный путь китаеведам?

АК: Мне представляется, что надо быть немного одержимым, чтобы стать китаеведом. Невозможно стать китаеведом просто «по обязанности», надо быть увлечённым. В жизни часто люди добросовестно и профессионально относятся

уникальных трудов по истории, культуре и языку тюркских народов. Казахи называли его «Коныр». Полиглот. Владел более чем тридцатью языками.

к своей работе, достигают результатов, но не хотят говорить о ней после окончания рабочего дня. А у востоковеда так не может быть по определению!

ВГ: Большое спасибо за интервью! Желаем вам крепкого здоровья для успешного свершения всех творческих планов!

АК: Вам спасибо! С наилучшими пожеланиями!